

Неэкономические факторы экономического развития

Уважаемые коллеги, добрый день!

Позвольте мне кратко в отведённое время остановиться шрихами на отдельных моментах большого на самом деле разговора по действию неэкономических факторов на экономическое развитие.

Бесспорно, доклад академика Горшкова М.К., в котором обозначены аксиомы влияния неэкономических факторов на экономический рост и реформы является положительным шагом, продвигает решение этой сложной проблемы вперёд. Представляется важным поддержать инициативу Михаила Константиновича и создании на базе двух академических институтов группы (совета) по изучению влияние неэкономических факторов на междисциплинарной основе.

На мой взгляд, одна из центральных проблем, которую экономическая наука пока не в состоянии решить – это поиск соответствия между инструментами воздействия и факторами, которые неуклонно изменяются по своему весу и значению и определяют экономический рост. То есть чувствительность этих инструментов остаётся не ясной даже по экономическим факторам, не говоря уже о неэкономических факторах, которые связаны с экономическими. Причём связь эта взаимобратная, так как неэкономические факторы переходят в экономические и наоборот, и подобные переходы изучены наукой довольно слабо.

Следующий вопрос касается экономического роста. Для экономики важно то, какая структура растёт, что даёт экономический рост агентам, какова структура роста и какими факторами он вызван. Экономисты с трудом определяют факторную основу роста даже по экономическим факторам. Например, для российского экономического роста 2000-ых гг. не наблюдалось замещения капитала трудом и обратно. Проводя исследования в 2002-2006 гг. в рамках неошумпетерианской модели экономического роста я получил модель, которая показала, что экономический рост может осуществляться исключительно за счёт консервативной модели поведения агентов, а отнюдь не инновационной. Из модели вытекало, что инновации могут довольно существенно затормозить экономический рост и, с высокой вероятностью, как минимум не придают ему устойчивого характера. Как известно, новатор осваивает новые рынки, продукты, создаёт технологии и т.д. Консерватор ориентируется на условно «старые» рынке, точнее стереотипную продукцию. Но когда в экономике потеряны многие внутренние рынки, свёрнуты отдельные виды производств и виды труда, как можно направлять ресурсы исключительно на новации, например нанотехнологии (при, например, потери шарикоподшипниковых производств, секторов машиностроения – станкостроения и др.), ведь это

создаёт явный «перекос», диспропорцию в развитии экономической системы, что не может не сказаться на экономическом росте, как его темпе, так и его качестве. Причём новаторская и консервативная модель экономического поведения – это по существу два «психотипа» поведения агента, две металлические установки, когда в одном случае (инновационная модель) агент идёт на риск, разбалансирует систему своими действиями, изобретения, а в другом, ориентируется на известные ниши, но развивается производство стереотипных продуктов, использует, но и в некотором смысле совершенствует уже используемые технологии и работает на сложившихся рынках. Эти два «психотипа», две ментальные установки определяются склонностью агентов к риску и новаторской деятельности, условиями появления и тиражирования новаций в экономической системе. Конечно, психологическая основа поведения агентов представляет собой неэкономические факторы развития экономической системы, но имеющий прямое экономическое выражение и значение. Многие неэкономические факторы тесным образом связаны с экономическими, такое деление, конечно, условно, но сложность этой связи влияет на экономический рост. Инновации могут вообще свернуть экономический рост и ввергнуть систему в состояние спада, поэтому я полагаю, что для России сегодня, фетиш «инновационного развития» не актуален. Нужно задумать для чего расти, какими ресурсами, каким темпом. Ведь расти могут и раковые опухоли, экономический рост не является панацеей. Так, известен парадокс проф. Р.Истерлина, согласно которому экономический рост и высокий уровень материального благосостояния народа не приносит ему счастья. Людям не становится жить лучше, они не делаются более счастливыми. Появилось даже направление в экономической науке - «экономика счастья». Следовательно, не экономический рост определяет общественный прогресс, а некая иная совокупность факторов, причём, в том числе и главным образом, возможно, факторов неэкономических.

Следующий момент, на котором я бы хотел остановиться – это реформа и реформирование экономики. В представленном нам докладе показаны аксиомы, но некоторые из них сформулированы к привязке к реформе. Здесь важно отметить, что неэкономические факторы определяют развитие экономической системы и вне периода реформы как таковой. Важный вопрос возникает при этом такого порядка, который можно обратиться к психологам: как долго, то есть в течение какого периода времени, народ страны может выдержать масштабные, глубокие, затрагивающие все общественные подсистемы одновременно реформы? Можно ли осуществлять подобные «реформы» в течение более чем 20 лет, при этом имея явное ухудшение по базовым экономическим индикаторам и иным показателям, характеризующим как раз социальную жизнь и действие неэкономических факторов. Какие ресурсы и режим адаптации нужен для проведения таких реформ? Необходимо отметить, что российские реформы до сих пор осуществляются без режима обратной связи, то есть вне расчёта на реакции агентов, на восприятие управленческих решений которые принимаются, при

этом данные решения «множатся» сами по себе, исходя из сугубо бюрократического характера и мотивов их принятия. Я неделю назад был в Государственной Думе РФ на круглом столе по проблеме образования, где обсуждался вопрос о дорожных картах в образовании, но все участники выступили шире и фактически констатировали, сами того не осознавая, узость постановки проблемы. Дело в том, что если вспомнить об элементарных функциях управления – планировании, организации, мотивации, контроле и координации, то применительно к этой, да и другим подсистемам, они серьёзно нарушены и/или не исполняются. Иными словами мы имеем дисфункцию управления и речь вести необходимо не о частном вопросе, а о восстановлении управления данной системой. Такой подход потребует учёта психологии агентов, занятых в системе, мотиваций, организации должного контроля и координации действий, чего не может быть достигнуто без плана, а главное, проведя преобразования нужно систему оставить в покое, дав ей функционировать в заданном режиме, иначе невозможно будет понять в дальнейшем, что в ней неверно работает и по каким причинам. Высшая цель образования – это не знания, а действия агентов и подготовка кадров, превосходящих своих учителей. На круглом столе высказывались различные точки зрения – и о необходимости повышения заработной платы учителя до 60-70 тыс. рубл. в месяц, о необходимом всеобщем высшем образовании, но эти действия, возможно, при всей их полезности, тем не менее, не имеют систематического характера и не решают главной задачи (функции) образования – подготовки кадров превосходящих своих учителей. А ведь реализация именно такой функции требует особой культуры, психологии подготовки и поведения учителей на всех звеньях образовательной системы.

И последнее. Поскольку наш круглый стол проходит под эгидой абалкинских чтений мне бы хотелось вспомнить Леонида Ивановича Абалкина, который уделял особое внимание учёту неэкономических факторов в экономике.

Во-первых, я вспомню случай, когда мне довелось участвовать в конференции по предпринимательству в одном частном вузе России, где принимал участие Леонид Иванович. Он долго сидел в президиуме конференции и листал какую-то книгу. Его вызывали выступать, и он вышел на трибуну с этой книгой, из которой зачитал крупный отрывок о несклонности русских к предпринимательству, о том, что предпринимательство почему-то вырождается в воровство, казнокрадство, лично обогащение любыми способами. Вывод был таков, что отсутствует склонность к предпринимательской деятельности и должная культура ведения бизнеса, его общественное предназначение. Далее он закрыл книгу и назвал автора: Дмитрий Иванович Менделеев, такая-то статья, такие то страницы. Тем самым, дальнейшее обсуждение чисто экономических проблем предпринимательства становилось «натянутым» в силу того, что этот неэкономический казался бы фактор, вытекающий из культуры, традиций народа, ментальности, становится определяющим. Склонность к

предпринимательству, труду (трудолюбие), традиции и обычаи народа определяют его хозяйственное развитие.

Таким образом, Леонид Иванович реализовывал лучшие традиции русскую школы институциональной экономики, возродив интерес к работам И.К.Бабста, И.И.Янжула, Н.Д.Кондратьева и др.

Во-вторых, хотелось бы отметить, что именно И.К.Бабст говорил о необходимом нравственном значении промышленного капитала, который бы служил на пользу России при решении проблем народного благосостояния. И тогда, и теперь Россия остаётся бедна капиталом, особенно, промышленным капиталом. Эти параллели и причина такого хронического в историческом разрезе дефицита представляется интересной с научной точки зрения. И сейчас норма накопления считается относительно низкой для того, чтобы поддерживать темп экономического роста выше 4-5% в год. Хотя, конечно, вопрос о том, какой темп нужен остаётся открытым. Учитывая тяжёлые структурные диспропорции развития одновременное изменение структуры и высокий темп экономического роста являются вряд ли совместимыми задачами, потому как при реструктуризации всегда имеются дополнительные издержки адаптации, реакции агентов и подсистем. Которые тормозят темп роста.

Что касается И.И.Янжула, первого академика по секции экономики Российской Академии наук, то его блестящая работа «Экономическое значение честности (забытый фактор производства)» 1911 года представляет собой своеобразный манифест по необходимости учёта неэкономических факторов развития. Янжул напрямую указывает, что сколько бы школ в России не построили, какие бы вложения не осуществили в это дело, но пока повсеместно в России не увеличится значение нравственности, и особенно, честности, нельзя говорить о решении вопроса увеличения народного благосостояния. Конечно, некоторая наивность такой позиции с современного видения экономической науки очевидна, так как нельзя в отрыве от иных факторов воздействовать исключительно на нравственность или честность, в том числе и без школ и образования, то есть нельзя отдельно от иных факторов поднять именно этот. Но, вместе с тем, такое концентрированное выражение позиции представляется мне существенным вкладом в становление институциональной школы экономистов, задолго до Р.Коуза, О.Уильямсона, которые определили облик западного неинституционализма и получили высокие общественные награды. Янжул предметно обозначил обеспечение честности как: верность и уважение данному слову и обещанию, уважение к чужой собственности, уважением к базовым правам и правилам, уважением к нравственным принципам. По существу нарушение эти четырёх положений, либо одного из них, означает возникновение того «контрактного» оппортунизма, который рассматривал, в частности, Уильямсон, разумеется ничего не зная о том, что задолго до него принципиальную основу, конечно не думая, о подобной перспективе, заложил Янжул И.И.

Наконец, в третьих, заключительно, я хотел бы напомнить собравшимся об «институциональном цикле» древнекитайского философа Сыма Цяня, выделявшего типы исторической жизнедеятельности народы: «чжун», «цзин» и «вэнь». В обществе может преобладать при разных моделях поведения его агентов, какой-то вектор, отождествляемый с указанным типом. Чжун или прямотушие, искренность, правдивость со временем приводит общество к дикости. Спасением от дикости выступает иной общественный тип – «цзин», почёт, почитательность, уважение. Но и общество, построенное на таких принципах, установках скатывается к обожествлению и культу личности, спасением от которых выступает тип «вэнь», то есть культура, цивилизованность. Но и цивилизованность, культура со временем приводят к фальши и суррогатам. Преодоление фальши возможности только посредством искренности и правдивости, то есть при типе «чжун». Так всё циклически повторяется. Конечно, данная модель довольно условна и проста, но она отражает замечательный факт, как в древние времена придавали значение неэкономическим факторам развития и цикл Сыма Цяня по сути представляет собой простейшую модель кругооборота «институциональных форм» общественной системы на длительном интервале, определяющих её трансформацию на основе неэкономических факторов развития.

Спасибо.